

сударственной Думы.—этотъ историческій день далъ возможность первый разъ открыто и торжественно совершить епископское служеніе въ алтарѣ Рогожскаго храма архіепископу Іоанну Московскому и всея Россіи и, такимъ образомъ, положить начало обращенію Рогожскихъ храмовъ въ кафедральные и первопрестольные для всего русскаго старообрядчества, приѣмлющаго священство бѣлокриницкой іерархіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. Е. Макаровъ.

Молчать или кричать?

Я получилъ письмо, раздирающее и леденящее душу человека-христианина. Да и не одно такое письмо я получилъ и получаю. Я ихъ теперь такъ много получаю, и въ нихъ такъ много воплей кричащихъ, что я оглушенъ ими и никакъ не могу собраться съ мыслями, что дѣлать: молчать о проказахъ жизни, описываемыхъ въ письмахъ, или говорить во всеуслышаніе? А ужъ если говорить о нихъ, такъ лучше не говорить только, а кричать и звать общество къ уврачеванію ихъ и улучшенію жизни.

Молчать—преступно: скрытая болѣзнь сильнѣе разъѣдаетъ организмъ и губитъ его окончательно. Кричать страшно: люди не привыкли сознавать себя въ томъ неприглядномъ видѣ, въ какомъ они есть въ дѣйствительности. Имъ непремѣнно хочется все видѣть черезъ очки съ розовыми стеклами и спокойно думать: какъ мы хороши... Какъ мы милы и совершенны. А вотъ, молъ, сосѣди, тѣ ужасно гнусны... Но мнѣ съ ними—ни части, ни жребія... Благодаримъ, молъ, мы Тебя, Боже, что мы не таковы какъ тѣ „мытари“. И тѣхъ, кто откроетъ имъ внезапно глаза на ихъ собственную грязь, люди тотчасъ же объявятъ своими злѣйшими врагами. Люди никогда не признаютъ простой дѣйствительности, что враги-то ихъ злѣйшіе никто другой, *какъ только сами они*. Имъ всегда кажется, что ужасные враги общества, это—тѣ, что вносятъ въ тьму общественной жизни свѣтъ, который внезапно освѣтитъ всю грязь, плѣсень, гной, затхлость и смрадъ этой жизни. Люди, увидавъ внезапно при свѣтѣ внесеннаго свѣта-факела всю нечисть общественной жизни, тотчасъ же бросаются на держащаго въ рукахъ этотъ факель-свѣта и, задушивъ его, гасятъ и свѣтъ и вновь успокаиваются, воображая, что съ исчезновеніемъ свѣта исчезли и всѣ чудовища, населяющія общественную жизнь; что грязь высохла, плѣсень смыта и гной исцѣленъ...

Такъ было поступлено съ пророками, такъ было поступлено съ Христомъ, такъ же точно поступали на всемъ пространствѣ вѣковъ до нашихъ дней съ людьми, несущими свѣтъ разумности въ человѣческую жизнь, такъ поступятъ и съ нами потомъ...

Вотъ почему и страшно дѣлается кричать о томъ, что есть, какъ оно есть.

Вамъ не только никто не повѣритъ, что вы за благо церкви Христовой стоите; вамъ не только не повѣрятъ, что вы дорожите „святою истиною“, такъ унижаемою, и благомъ брата—человѣка, но васъ тотчасъ же объявятъ чуждымъ церкви Христовой и ея заклятымъ врагомъ, очевидно полагая, что вы именно и заводите всякую нечисть жизни, а не указываете только на ея уже давнишнее существованіе, съ тѣмъ, чтобы изгнать ее изъ среды истинно-вѣрующихъ.

Когда мнѣ пришлось раскрыть нѣсколько мыслей, волнующихъ душу мою, на страницахъ „Старообрядческой Мысли“, то меня, что называется, засыпали письмами. Одни благословляютъ мою смѣлость и ободряютъ идти впередъ по этому пути, видя въ этомъ залогъ будущаго благополучія общества (т.-е. Церкви Христовой), другіе, наоборотъ, шлютъ порицанія и увѣряютъ, что я дѣлаю дурное дѣло, обнажая язвы, разъѣдающія общество.

Одни увѣряютъ, что задача журнала „Старообрядческая Мысль“—не щадить себя и звать общество къ скорѣйшему благоустроению собственной общественной жизни есть благородная задача, обѣщающая не только благо обществу, но даже и успѣхъ журналу; другіе напротивъ увѣряютъ, что обнажать язвы общества, это—подобиться Хаму, обнажившему наготу отца и смѣявшемуся ей, что это пользы не принесетъ обществу, и что журналъ отъ этого скоро погибнетъ.

Вотъ тутъ и разберитесь, гдѣ добрый совѣтъ и гдѣ злой.

Но, подсчитывая количество тѣхъ и другихъ голосовъ, я нашелъ, что за то, чтобы открыто бичевать недостатки общественной жизни и тѣмъ вліять на ихъ искорененіе, слишкомъ великъ перевѣсъ. Потомъ, видя и чувствуя, что въ обществѣ (конечно, въ болѣе живой его части) наболѣла душа нестроеніями и непорядками жизни, что душа ищетъ исхода своимъ общественнымъ страданіямъ, и, наконецъ, будучи самъ приверженцемъ взгляда обнаруженія недочетовъ жизни, я рѣшилъ, что называется, „очертя голову“ идти по разъ намѣченному пути и кричать къ обществу, призывая его къ образумленію и скорѣйшему искорененію зла общественной жизни или хотя бы даже къ упорядоченію жизни хоть сколько-нибудь, хоть чтобы она была сносна и походила бы хотя отчасти на жизнь во Христѣ.

Я это рѣшилъ. Рѣшили это и тѣ, кто трудится совмѣстно со мною, а потому мы и будемъ кричать и крикомъ нашимъ, насколько силъ у насъ хватить, будить сознание общества къ лучшей жизни. Вотъ письмо, одно изъ множества, изъ далекой Сибири. Прочтите его—и вы, любезные читатели, поразитесь, насколько я не одинокъ въ моихъ страданіяхъ за лучшую долю общественной жизни. Насколько я не одинокъ въ моемъ отчаяніи за эту лучшую долю. И вы убѣдитесь въ томъ, что мы не хамы,

издѣвающіеся надъ наготою своего отца, а дѣти, оплакивающія съ глубокимъ горемъ заживо разлагающуюся мать, страдающую тяжелою болѣзнью, и всѣмъ сердцемъ стремящіеся послужить ея исцѣленію.

„Г. І. Х. С. Б. П. Н. . .

Вы же есте тѣло Христово и уди отъ части. И аще страждеть единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди (I Кор. 12, 27).

Вотъ идетъ и новый годъ, а дѣла у насъ идутъ все по-старому, но, ко всеобщему нашему сожалѣнію, не въ лучшемъ смыслѣ, а мнѣ думается, *въ самомъ худшемъ*.

Я, всматриваясь въ ваши статьи, помѣщенные въ ж. „Старообрядческая Мысль“, которыя мнѣ кажутся проникнутыми сознаниемъ справедливости и братолюбіемъ, не могу остаться вамъ не благодарнымъ, потому что таковыхъ неисправностей, какія вы описываете, въ нашей древле-православной церкви накопилось, во время долгой тьмы и невѣдѣнія, цѣлый непочатый уголь. И эта незавидная поклажа своей мрачной стороной заслоняетъ и свѣтлую сторону церкви Божіей. Какъ во время прохожденія луны между солнцемъ и землею затмеваются для насъ лучи солнца, хотя оно свѣтитъ также по-прежнему ярко, но для насъ они не видны, такъ и доброе ученіе св. Церкви, если будетъ застилаться произвольнымъ мусоромъ, съ чьей бы стороны это ни было, со стороны дѣховныхъ ли властей или свѣтскихъ распорядителей, то свѣтъ ея померкнетъ, и ученіе Христа останется только на бумагѣ. А мы будемъ смотрѣть на него да удивляться, говоря: да какъ же это жили прежніе-то люди? Они исполняли всѣ заповѣди Господни, были богобоязны, высоко нравственны, тверды, воздержны, имѣя всегда предъ глазами страхъ Божій. А мы-то что? Не имѣемъ даже въ домѣ и св. евангелія, а о заповѣдяхъ Божіихъ слышимъ, когда бываемъ только въ церкви, когда читаетъ евангеліе священникъ или діаконъ. Да потомъ и придемъ къ такому убѣжденію: да вѣдь о насъ-то вотъ что писано: въ послѣднее время священники будутъ такіе-то, монахи такіе-то и мы, міряне, такіе-то. Ну что же, мы такъ и живемъ, какъ о насъ писано. Вѣдь, по нашему сознанию, нынѣ уже послѣднее время, и намъ якобы слѣдуетъ жить по написанному о насъ пророчеству.

Жизнь наша какъ частная, такъ и общецерковная, подобна чистой стоячей водѣ на грязной почвѣ; пока ее никто не трогаетъ, она чиста и прозрачна, но малѣйшее движеніе производитъ муть, а усиленное изъ прозрачной и чистой воды дѣлаетъ жидкій растворъ грязи, въ которомъ не видно уже отраженія голубого неба.

Къ такому нежелательному объясненію меня побудило слѣдующее: прочитавъ въ ж. „Старообрядческая Мысль“ ваши статьи въ № 7 „Похристіански“ и въ № 11 „Наши предки и мы“, я увидѣлъ въ нихъ *отблескъ правды Божіей*, въ существованіи которой уже *почти отчаялся*. А вслѣдствіе этого *свѣтлаго вашего взгляда* на вещи, я имѣю нѣчто сообщить вамъ относительно настоящаго положенія нашихъ старообрядческихъ монастырей. О нихъ что-то ничьего не слышно голоса.

Я пятнадцать лѣтъ тому назадъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сдѣлалъ небольшое путешествіе по Россіи и Сибири. Побывалъ я и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ древле-православной церкви, когда-то цвѣтущихъ, а именно: въ Черкасскихъ женскомъ и мужскомъ (мужскій бѣглыхъ поповъ), въ Чернобыльскихъ женскомъ и мужскомъ, также и на Черемшанѣ. Даже ѣздилъ въ Ленкорань, въ селеніе Вѣллу, которое населено *исключительно ссыльными старообрядцами* при Николаѣ Первомъ, гдѣ нынѣ истинное старообрядчество уже почти что погасло. Въ обширномъ селеніи, на самомъ берегу Каспія, когда-то населенномъ исключительно старообрядцами-поповцами съ архимандритомъ Зиновіемъ во главѣ и безпоповцами поморскаго толка, въ 1896 году я нашелъ только: не обширный молитвенный домъ безъ наружныхъ признаковъ такового, съ келіями при немъ внизу и тремя деревянными флигелями, построенными архимандритомъ Зиновіемъ въ громадномъ фруктовомъ саду (тутъ же и кладбище); проживающихъ тамъ одного слѣпого архимандрита Іакова, якобы бѣжавшаго съ Дону отъ какого-то преслѣдованія (онъ занималъ кельи подъ храмомъ) и двухъ ссыльныхъ монашекъ, жившихъ въ одномъ изъ флигелей и вкушающихъ виноградное вино, благо виноградники свои, а яблоки и собирать некому, такъ ихъ много, и потому они гніютъ подъ деревьями. А изъ мірскихъ только два дома всего, принадлежащихъ бѣлокриницкой іерархіи. Остальные жители этого громаднаго селенія *почти все перешли въ сектантство*. Въ обширныхъ степяхъ рѣки Куры при посредствѣ правительства много поселено молоканъ изъ Таврической губ. Ихъ проповѣдники проникли и въ селеніе Вѣллу и *при недостаточной поддержкѣ проповѣди со стороны старообрядцевъ совратили народъ въ слѣдъ своего ученія*.

А впоследствии я былъ и въ Томскихъ монастыряхъ. Во время этихъ моихъ шатаній по бѣлу свѣту я слышалъ отъ „бывальцевъ“ и о другихъ монастыряхъ, какъ - то: Куреневскихъ, при селѣ Городищахъ-Екатеринославской губ., въ Полосѣ, близъ посада Клинцовъ, гдѣ проживалъ вл. Сильвестръ, накопившій до 40000 руб. денегъ и подарившій ими чрезъ покражу своего келейника; на Сколѣ, на рѣкѣ Днѣстрѣ, и въ Вилковѣ на Дунаѣ.

Вездѣ я слышалъ, а частію и видѣлъ, *до крайности испорченность нравовъ*, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ личностей, понимавшихъ свое призваніе и помнящихъ о Богѣ.

На Уралѣ у вл. Антонія, въ Кунгурскомъ уѣздѣ дер. Шамарахъ, два монастыря, мужской и женскій, въ Миасскомъ заводѣ монастырь женскій, и по лѣсу есть келін, занятая мужчинами; у насъ монастырь женскій; въ Томской епархіи въ Кольванскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Тоѣ монастырь женскій при двухъ монашкахъ. Въ 80 верстахъ отъ Томска въ тайгѣ монастырь женскій, тамъ же вновь переустройстваетъ о. Амфилохій, бѣжавшій тайно изъ монастыря еписк. Антонія изъ Шамаръ, монастырь мужской, бывшій когда-то славнымъ монастыремъ о. Теофилакта и давшій церкви двухъ епископовъ Антонія и Θεодосія, а потомъ сдѣлавшійся гнѣздомъ разврата, гдѣ погрязоша въ ономъ развратѣ и духовныя власти, и монастырь погибъ. Есть кажется и еще нѣскольکو монастырей на Дону и на Кавказѣ, о которыхъ я мало слышалъ, но, судя по этимъ, которые я знаю, большой разницы и въ нихъ не должно быть.

Итакъ, мы, старобрядцы, имѣемъ немного монастырей, сравнительно съ численностью населенія старообрядцевъ, и то почти безлюдныхъ, а лишь носящихъ званіе монастырей. Это древнихъ-то разсадниковъ благочестія и добродѣтелей, откуда въ былыя времена произрастало истинное христіанство, а церкви Божіи брали себѣ путеvodителей и добрые примѣры; куда св. Златоустъ часто посылалъ жителей Антиохіи за благими примѣрами. И еще очень недавно на Уралѣ жили св. подвижники. О нихъ сохранилась память въ народѣ и посейчасъ, а Богъ почтилъ ихъ тѣла нетлѣніемъ. Но въ настоящее время эти разсадники добродѣтелей упали до невозможности. Изъ нихъ распространяется не ароматъ благовонія, но страшное зловоніе, на подобіе помойныхъ ямъ, на весь міръ православный. Всякіе приходящіе въ нихъ не высокой нравственности могутъ научиться отъ ихъ обитателей, но всякому злу, лжи и неправдѣ. Разъ попавшій молодой человекъ, мужчина или женщина, въ небогоугодныя заведенія, на неопредѣленное время, дѣлается уже негоднымъ даже и для мірской жизни. Есть у него призваніе на служеніе Богу или нѣтъ, но онъ долженъ остаться въ нихъ, или быть тунеядцемъ общества, или начнетъ шататься изъ монастыря въ монастырь, за поисками лучшаго. Но таковыя ищутъ не скромной и спасительной жизни, а жизни свободной и щедрыхъ подаяній. Въ случаѣ же если ихъ не отпустятъ добровольно изъ монастыря, они уѣзжаютъ самовольно, или тайно, забирая всѣ пожитки монастыря, какіе имъ попадутъ подъ руку, и выѣхавши за монастырь, продаютъ за безцѣнокъ, и на эти свои прихоти тратятъ послѣднія тощія и не ими собранныя монастырскія средства. Пѣшіе вѣдь нынѣ не ходятъ, а проѣхать по желѣзной дорогѣ изъ Сибири въ Черкассы или Бессарабію и обратно чего - нибудь да стоитъ? А чьи это гроши? Не наши ли? Добытые часто кровавымъ потомъ и поданные въ милостыню Христа ради неимущимъ гдѣ главы подклонити.

И такая-то портящая нравы людей монастырская жизнь и приучающая ихъ къ скитанію и тунеядству какъ будто бы никому не бросается

въ глаза; какъ будто бы никому до этого нѣтъ даже и дѣла. Не слышно объ этомъ голоса на ежегодныхъ соборахъ старообрядческихъ епископовъ, не слышно и въ печати старообрядческихъ изданій.

Мы чужія раны раскрываемъ, а иногда и врачуемъ, а свои закрываемъ, чтобы о нихъ никто и не зналъ, и когда этому будетъ конецъ, одинъ Богъ вѣсть. Благо мы сыты, а о другихъ намъ дѣла нѣтъ. Но апостоль говоритъ: „аще страждетъ единъ уды, съ нимъ страждутъ и вси уди“, и еще: „аще кто о своихъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горши есть“ (1 Тим. 5, 8.)“

Къ этому прибавлять намъ совершенно нечего. Къ утѣшенію сказать можно лишь только то, что и въ древности святыхъ мужей было немало, а подобныхъ описаннымъ сколько угодно.

Люди—не ангелы. Многого отъ нихъ требовать и невозможно; но въ предѣлахъ возможнаго необходимо стараться возвышать свою жизнь и тѣмъ призывать за собою другихъ.

Хотя нужно сознаться, что плохо люди идутъ за хорошими примѣрами. Суетность міра милѣе: она захватила людей въ свои цѣпкія лапы и не выпускаетъ.

Н. Зенинъ.

Мертвое поле.

(Пастыри синодской церкви.)

Болѣе пятнадцати лѣтъ я живу среди духовенства и близко соприкасаюсь съ нимъ. До 17-ти лѣтъ я была воспитана родителями въ строго-религіозномъ духѣ и въ большомъ уваженіи къ *батюшкамъ*, которое отчасти поддерживалось и потому, что мы, какъ пролетаріатъ порядочнаго провинціального города, стояли вдали отъ духовенства и не видали изнанки ихъ жизни. Съ 17-ти лѣтъ мнѣ пришлось жить въ мірѣ духовенства. И, Боже мой, что я тутъ увидала! Было время въ моей жизни, когда я въ страшныхъ душевныхъ мукахъ вся ушла въ религію, молилась, читала Евангеліе, старалась слѣдовать ученію Христа и особенно хотѣла видѣть хотя искры этого ученія въ служителяхъ Христовыхъ. Я страстно искала хотя *одного* батюшку и не находила. Я даже старалась приложить къ нимъ свои особія, крайне снисходительныя требованія, прощая имъ, какъ людямъ, многія слабости и цѣня даже малѣйшія достоинства, и съ горечью убѣждалась, что я скорѣе въ тысячу разъ найду во всякомъ, не только просто-мірскомъ человѣкѣ, но часто завѣдомо падшемъ, искру Божію, чѣмъ во многихъ батюшкахъ. Эгоизмъ, корыстолюбіе, грубость, а главное пьянство, пьянство безпросвѣтное, ужасное. Пьянство дома, пьянство въ гостяхъ, а